

ЛЮДОВИК XV И ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ:
ФРАНЦУЗСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ
И ВОССТАНИЕ ПУГАЧЕВА
ПО ДОКУМЕНТАМ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ АРХИВОВ
ФРАНЦИИ И РОССИИ

П.П. Черкасов

Крестьянское восстание под предводительством Емельяна Пугачева (1773-1775) - важнейшее событие внутренней жизни России XVIII столетия¹. Этот грандиозных масштабов бунт стал серьезным испытанием для всей правительственной системы Екатерины II, пережившей глубокое потрясение. В течение почти двух лет Европа внимательно следила за развитием событий в России, гадая, кто же возьмет верх - Екатерина II, узурпировавшая в 1762 г. престол своего незадачливого супруга, или самозванный мужицкий царь? Порой казалось, что Лжепетр III имеет больше шансов на успех.

Интерес к России европейских дворов, обеспокоенных экспансионистскими тенденциями во внешней политике Екатерины II, был не праздным, как был он не праздным для Оттоманской Порты, с конца 1768 г. находившейся с ней в состоянии войны. От того, кто утвердится на петербургском троне, во многом зависел не только исход русско-турецкой войны, но и положение дел в европейской политике. В тот период шансы на успех Лжепетра III вовсе не представлялись европейским дипломатам безнадежными (что стало очевидным для последующих поколений историков). Именно это обстоятельство - международный, как бы мы сейчас сказали, аспект пугачевского бунта - более всего ранило сердце самолюбивой императрицы всея Руси, приказавшей срочно составить и распространить в Европе пропагандистское сочинение, разоблачающее Пугачева. Книга под названием "Лжепетр III, или Жизнь и похождения мятежника Емельяна Пугачева" была опубликована на французском языке (в то время международном) в Лондоне в 1775 г.²

¹ В мою задачу не входит освещение самого пугачевского бунта, детально изученного в отечественной историографии. Назову лишь основные работы обобщающего характера: Пугачевщина. М.; Л.: Центархив, 1926-1931. Т. 1-3; Восстание Емельяна Пугачева: Сб. документов. Л., 1935; *Андрущенко А.И.* Крестьянская война 1773—1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969; *Буганов В.И.* Крестьянские войны в России XVII-XVIII вв. М., 1976; *Он же.* Пугачев. М., 1984; Крестьянская война в России в 1773-1775 годах: Восстание Пугачева. Л., 1961-1970. Т. 1-3; *Мавродин В.В.* Классовая борьба и общественно-политическая мысль в России в XVIII в. (1773—1790-е годы). Л., 1975; *Овчинников Р.В.* Манифесты и указы Е.И. Пугачева. М., 1980; *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1901—1903. Т. I, II; *Смирнов И.И., Маньков А.Г.* и др. Крестьянские войны в России в XVII-XVIII вв. М.; Л., 1966.

² *Le Faux Pierre III ou la vie et les aventures du rebelle lemelian Pugatschew. D'après l'original russe de Mr. F.S.G.W.D.B.L., 1775.*

Интерес Франции к событиям в России в 1773—1775 гг был особенно пристальным. В течение почти всего периода своего длительного правления Людовик XV не скрывал враждебного отношения к России, что объяснялось как противоположностью стратегических интересов двух стран в Европе, так и устойчивой русофобией Христианнейшего короля, который активно противодействовал России в Польше и Швеции, а также постоянно разыгрывал против Петербурга турецкую карту. Именно французская дипломатия в конце 1768 г разожгла пожар русско-турецкой войны с целью воспрепятствовать вмешательству России в польские дела. Именно французская дипломатия сыграла важную роль в подготовке государственного переворота в Швеции (август 1772 г), имевшего откровенно антирусскую направленность³.

В расчетах версальской дипломатии всегда присутствовало убеждение, что смута в России может служить лучшей гарантией против возрастания русского влияния в Европе. Еще в 1762 г в секретной инструкции своему посланнику в Петербурге барону де Бретейлю Людовик XV подчеркивал: «Вы, конечно, знаете, и я повторяю это предельно ясно, что единственная цель моей политики в отношении России состоит в том, чтобы удалить ее как можно дальше от европейских дел. Все, что может погрузить ее в хаос и прежнюю тьму, мне выгодно, ибо я не заинтересован в развитии отношений с Россией»⁴.

Один из руководителей тайной дипломатии Людовика XV, граф де Брольи (вскоре после воцарения Екатерины II), в специальной записке, посвященной отношениям с Россией, писал по сути о том же: «Нужно попытаться погрузить ее (Россию - Я Ч) в глубокий летаргический сон, если же иной раз придется выводить ее из этого состояния, то лишь посредством конвульсий, например внутренних волнений, заблаговременно подготовленных. Лишь таким путем можно помешать московскому правительству даже помыслить о внешней политике»⁵. На этой записке есть резолюция короля: «Я полностью разделяю подход графа де Брольи к России»⁶.

Считая «ученицу Вольтера» «заклятым врагом» Франции⁷, в Версале в течение полутора десятилетий (начиная со дня ее воцарения) надеялись, что она будет свергнута. Вначале эти надежды связывали с несчастным Иоанном Антоновичем, томившимся в Шлиссельбургской

³ Об эволюции отношении двух стран в XVIII в см. *Черкасов Я. Я. Двуглавый орел и Королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке 1700—1775 М., 1995*

⁴ *Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les Traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française / Avec une Introduction et des notes par A. Rambaud. P. 1890. T. 9. Russie (1748-1789). P. 213-215 (Далее *Recueil des instructions*)*

⁵ *Broghe A. Duc de. Le secret du Roi. Correspondance secrète de Louis XV avec ses agents diplomatiques 1752-1774. P. 1878. Vol. 2. P. 13*

⁶ Цит. по *Perrault G. Le secret du Roi. P., 1992. T. 1. P. 550*

⁷ Именно так - наш заклятый враг - характеризовал Екатерину II министр иностранных дел Франции герцог де Шуазель в одном из писем австрийскому канцлеру князю Кауницу (см. *Rain P. La diplomatie française d'Henri IV à Vergennes. P., 1945. P. 265*)

крепости, а после его убийства там в ночь на 5 июня 1764 г. почему-то уверовали в оппозиционность русского дворянства по отношению к царице-немке. Немудрено, что появление в сентябре 1773 г. в заволжских степях самозванца, объявившего себя Петром III, было встречено в Версале с огромным интересом, о чем свидетельствует переписка французского посланника в Петербурге Дюрана⁸ со своим ведомством, которое в течение этих двух лет поочередно возглавляли герцог д'Эгильон, Бертен и граф де Вержен. С этой перепиской я имел возможность познакомиться в Архиве МИД Франции в Париже. Сопоставление донесений Дюрана с донесениями в Петербург русского поверенного в делах при версальском дворе Н.К. Хотинского и сменившего его посланника, князя И.С. Барятинского за 1773-1775 гг. (хранящимися в Архиве внешней политики Российской империи МИД России) дает достаточно ясное, хотя и не во всем полное представление об отношении Версаля к восстанию Пугачева.

* * *

К началу пугачевского бунта (сентябрь 1773 г.) Дюран уже почти год находился на своем посту в Петербурге. За это время он успел освоиться в новой обстановке. Однако его знания о стране, почерпнутые из историко-географической литературы, записок путешественников и сообщений коллег-предшественников, были весьма поверхностными (в то время иностранные дипломаты перемещались главным образом из Петербурга в Москву и обратно, сопровождая императорский двор).

Первое упоминание о волнениях донских казаков содержит шифрованная депеша Дюрана министру иностранных дел герцогу д'Эгильону от 7 сентября 1773 г. Дюран сообщает, что казаки требовали освободить своего вожака Ефремова, приговоренного к смерти еще прошлой зимой за организацию восстания на Дону в 1772 г.⁹ Это было одно

⁸ Дюран де Дистроф был назначен посланником в Петербурге в июле 1772 г. Он принадлежал к числу дипломатов-ветеранов, последовательно занимая должности секретаря полномочного представителя Франции на мирном конгрессе в Экс-Ла-Шапель (1749), поверенного в делах в Лондоне, резидента в Гааге, посланника в Варшаве, а затем в Вене. Одно время он был личным секретарем дофина (отца Людовика XVI) и входил в узкий круг особо доверенных лиц короля. Именно ему в 1770 г. овдовевший Людовик XV поручил вести конфиденциальные переговоры в Вене относительно намечавшейся им женитьбы на австрийской эрцгерцогине Елизавете, старшей дочери императрицы Марии-Терезии. Брак этот не состоялся из-за энергичного противодействия фаворитки короля мадам дю Барри. А Дюрану было доверено новое важное дело: он руководил организацией помощи барским конфедератам, выступившим против России и ее ставленника в Польше Станислава Понятовского. Назначая Дюрана посланником в Петербурге, Людовик XV прежде всего учитывал его польский опыт. В полученных Дюраном инструкциях прямо говорится, что он должен препятствовать реализации русских планов в отношении Польши (тексты инструкций см.: Recueil des instructions... Т. 9. P. 286—300, 302-305). Дюран пробыл в России до середины 1775 г., затем его сменил маркиз де Жюинье.

⁹ Archives des Affaires Étrangères. Correspondance politique. Russie. 1773. Vol. 93. F. 30 recto verso. (Далее: ААЕ).

из многочисленных выступлений, предшествовавших собственно пугачевщине. Начало мятежа принято датировать 17 сентября 1773 г., когда Пугачев выступил с манифестом и провозгласил себя "императором Петром III". 19 сентября повстанцы подошли к Яицкому городку, но, не имея артиллерии, отказались от штурма крепости. Затем Пугачев отправился к Оренбургу и в начале октября его осадил.

6 ноября Дюран в зашифрованной депеше сообщал, что против повстанцев двинут корпус генерал-майора Кара, готовившийся до этого к отправке на турецкий фронт. Правда, он ошибочно полагал, что корпус Кара направляется на Дон, а не к Оренбургу - свидетельство его неосведомленности о начале восстания на Яике. Лишь 12 ноября в новой шифровке Дюран исправляет свою ошибку, хотя еще и не упоминает имя Пугачева: "Один дворянин, вернувшийся из провинции, расположенной между Оренбургом и Астраханью, и один чиновник сказали мне, что главарь повстанцев выдает себя за Петра III, что войско его составляет примерно 14 тысяч человек и что опасаются, как бы взбунтовавшиеся (на Дону. - П Ч) казаки к нему не присоединились"¹⁰.

К тому времени, когда Дюран составлял это донесение, корпус Кара (9 ноября) был наголову разбит Пугачевым у деревни Юзеевой. В ноябре же повстанцы разгромили еще два отряда правительственных войск во главе с полковником Чернышевым и секунд-майором Заевым. В конце ноября они осадили Уфу, после чего восстание распространилось на обширные территории Южного Урала, Казанской губернии и юго-западной части Сибири.

16 ноября Дюран, еще не зная о разгроме Кара повстанцами, снова сообщал о восстании, причем его информация становится все более достоверной. Он добывал ее не только из бесед с канцлером Н.И. Паниным и его помощниками, проявлявшими понятную сдержанность, но и из других источников, в частности из разговоров с приезжавшими в столицу провинциальными дворянами и чиновниками. "Независимо от взбунтовавшихся на Дону казаков, - писал Дюран 16 ноября 1773 г., - казаки, населяющие устье Яика, подняли открытый мятеж. Их предводитель выдает себя за Петра III, именно против него направлен корпус генерала Кара, дабы подавить мятеж". Характеризуя генерала, Дюран отмечает его "весьма скромные военные способности", но одновременно подчеркивает, что по части карательных операций, в частности в Польше, где "он чинил всевозможные притеснения", он имеет опыт¹¹.

Дюран указал на такую реальную опасность, как вовлечение в восстание народов Приуралья и Поволжья, при этом он решил, что все они татары. "Казанский и астраханский губернаторы... - писал он, - подозревают своих татар в том, что они могут найти общий язык с казаками"¹². Он еще не знал, что к пугачевцам уже присоединились

¹⁰ Ibid. F. 217 recto, F 233 recto verso.

¹¹ Ibid. F. 235 verso, F. 236 recto.

¹² Ibid. F. 236 verso.

башкиры, татары, калмыки, казахи и представители других национальных меньшинств империи.

Опасность смуты в России, по мнению Дюрана, усиливалась тяготами войны с Турцией, в том числе нехваткой военной силы для подавления мятежа. В депеше от 16 ноября он писал, что губернаторы территорий, охваченных восстанием, не имеют достаточных средств для борьбы с ним и направляют в Петербург "курьера за курьером с просьбами о присылке войсковых подкреплений". Не решаясь пока отвлекать войска с театра военных действий, правительство ограничилось направлением в район Оренбурга и Астрахани трех полков из дивизии, дислоцированной в Финляндии¹³. Кроме того, Дюран констатировал, что положение с набором рекрутов в армию критическое: "Число деревень, где рекруты разбегаются, растет день ото дня. Одни укрываются в лесах, другие пополняют ряды разбойников, которые бесчинствуют в провинциях, расположенных за Новгородом. Предполагают, что они могут объединиться с мнимым Петром III, который, похоже, не лишен ума, поскольку, заявив о себе как о претенденте, несправедливо лишенном трона, он отстаивает права своего сына, великого князя (Павла Петровича). Говорят, что внутренние неурядицы в империи волнуют Екатерину II в большей степени, чем война с турками"¹⁴.

Последнюю мысль посланник все настойчивее будет внушать своему двору, озабоченному поиском средств давления на Екатерину II, ради спасения терпевшей поражения Турции. Емельян Пугачев, сам того не подозревая, становился объективным союзником султана и - Людовика XV.

20 ноября 1773 г. Дюран информировал Версаль о расширении восстания, о его наступательном характере: "Киргизы - независимый народ, совершающий набеги то на границы Китая, то на границы России, - присоединились к яицкам казакам. Говорят, что главарь этих разбойников идет на Казань, желая ее захватить. Поскольку этот город — настоящая крепость, его, по всей видимости, здесь ждет неудача. Судя по всему, - подчеркивал Дюран, — мятеж не выльется в революцию и в итоге сойдет на нет, но его размах и связанные с ним людские потери нанесут империи такие раны, которые станут причиной внутреннего брожения в дальнейшем. Екатерина II уже весьма обеспокоена последствиями авантюры этого нового Али-бея"¹⁵.

Сам Лжепетр III какое-то время оставался для Дюрана фигурой совершенно таинственной. Лишь 10 декабря 1773 г. он сообщил в Версаль первые о нем сведения: неисправимый преступник, уже приговоренный ранее к битью кнутом, но помилованный властями, а "возглавленные им мятежники - это те самые казаки, которые занимаются ловлей осетра и белуги и поставляют в Европу икру"¹⁶.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. F. 236 verso - 237 recto.

¹⁵ Ibid. F. 257 verso - 258 recto.

¹⁶ Ibid. F. 306 verso.

Впервые подлинное имя Лжепетра III Дюран упоминает в донесении от 17 декабря 1773 г., отмечая, что самозванец выступает не столько в свою пользу, сколько в интересах "своего сына", великого князя Павла Петровича¹⁷. Тремя днями ранее он сообщил о сокрушительном поражении генерала Кара на подступах к Оренбургу: "Мнимый Петр III достиг невиданного доселе успеха... Генерал Кар повел себя столь неподобающим образом, что был отправлен в отставку. На смену ему направляется генерал Бибиков"¹⁸.

Новый командующий правительственными войсками оказался удачливее предшественника. В декабре 1773 г. ему удалось нанести первые поражения отрядам пугачевцев под Самарой, Кунгуром и Бузулуком. Зато под *Оренбургом* повстанцы разгромили отряд генерала Валленштерна, а главные силы Пугачева овладели Яицким городком и начали осаду крепости. Наступивший 1774 год явно не обещал императрице легкой победы над самозванцем, тем более что война с Турцией затягивалась на неопределенный срок.

Французская дипломатия, стремившаяся предотвратить полный разгром Оттоманской Порты а по сему буквально навязывавшая Петербургу идею своего посредничества в мирном окончании русско-турецкой войны¹⁹, надеялась, что пугачевский мятеж вынудит Екатерину II быть сговорчивее на переговорах с Мустафой III и сменившим его на султанском троне в феврале 1774 г. Абдул-Гамидом I. Именно поэтому в Версале очень внимательно изучали донесения Дюрана из России.

Русский поверенный в делах при версальском дворе Н.К. Хотинский писал 30 декабря 1773 г. канцлеру графу Н.И. Панину: "В начале прошлой недели получил дюк д'Эгильон от Дюрана известие, что у нас в Казани сделалось возмущение по поводу, что появился там некий злодей, называющий себя Петром Третьим, который рассылает под тем именем указы и собрал уже тысяч с пятнадцать вооруженных людей, что тамошний губернатор атаковал уже его с небольшим числом войск, но был побит, после чего оный злодей пошел к Екатеринбургским заводам, что вследствие того посланы туда из Великой России на санях войска по той причине, что находящихся там недостаточно для усмирения возмущившихся. В дополнение того вновь оный Дюран писал, что число бунтовщиков простирается до тридцати тысяч, что они хорошо вооружены и заводится между ними дисциплина и послушание, так что они побили четыре тысячи человек, с коими казанский губернатор их атаковал, что теперь злодей разглашает, что он не для себя восприял оружие, но для сына своего, и что он, овладев казенной суммой в 150 тысяч рублей, а также всякого рода военными припасами и пушками, пошел к вышепомянутым заводам"²⁰.

¹⁷ Ibid. F. 334 verso.

¹⁸ Ibid. F. 316 verso.

¹⁹ Подробнее см.: *Черкасов П.П.* Указ. соч. С. 371—382.

²⁰ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Сношения России с Францией. 1773. Оп. 93/6. Д. 276. Л. 144-145.

20 января 1774 г. в Париж прибыл новый полномочный министр (посланник) России генерал-майор князь И.С. Барятинский²¹. Уже во время первых встреч с посланником Людовик XV и его министр иностранных дел обнаружили живой интерес к пугачевскому бунту. В депеше, отправленной в Петербург 28 января, Барятинский писал: "Дюк д'Эгильон при первом моем с ним свидании принял меня с отменной лаской и благосклонностью и по изъявлении взаимных учтивостей начал разговор о нынешнем в Оренбурге мятеже, сказывая, что, по полученным им известиям, толпа изменников постоянно увеличивается, а в публике говорят, что число их простирается уже до трех тысяч человек. Причем поинтересовался он: видно-де, что у вас во внутренности государства очень мало войска, когда для усмирения сих мятежников двинуты полки, находящиеся в Петербурге и Финляндии для прикрытия границ. Потом спрашивал у меня, не имею ли я о сем известия, на что ответствовал я ему с приличной учтивостью вкратце, что я не получал никаких о сем известий, уверяя его при этом, что у нас во внутренности государства всегда достаточное число войск содержится и что если подлинно из Финляндии полки туда командированы, то они непременно другими заменены будут"²².

Интерес герцога д'Эгильона к прикрытию столицы Российской империи со стороны Финляндии Барятинский не мог не связывать с произведенным в 1772 г. в Швеции (при активном содействии Франции) государственным переворотом. Забегая вперед, скажу, что в 1788 г. король Швеции Густав III (по мнению Екатерины II, "француз с ног до головы"), объявив войну России, попытается с ходу овладеть Петербургом, но потерпит неудачу.

"Здесь весьма много говорят о происходящем около Оренбурга мятеже, - сообщал И.С. Барятинский графу Н.И. Панину 6 февраля 1774 г., - на что я всем отвечаю, что никаких не имею о сем известий, что сие не заслуживает никакого особливо внимания и что сии мятежники делают не что иное, как разбойнические нападки. Конечно же, скоро все они переловлены и усмирены будут"²³.

Попытки русского дипломата преуменьшить масштабы и опасность разгоравшейся в России смуты не были успешными. Донесения Дюрана из Петербурга свидетельствовали о расширении крестьянско-казачьего восстания и о неспособности правительства справиться с ним без отвлечения с турецкого фронта боеспособных частей. Как сообщал Дюран, Пугачев осмелел настолько, что позволял себе напрямую адресоваться к своему "сыну", наследнику Павлу, и к Сенату с письменными обвинениями по адресу Екатерины II. "Он обличает ее безнравственность, все ее правление, принесшее самые большие несчастья -

²¹ Иван Сергеевич Барятинский - участник Семилетней войны, ординарец при императрице Елизавете Петровне, затем флигель-адъютант Петра III. После воцарения Екатерины II состоял при малолетнем наследнике великом князе Павле Петровиче. Посланником в Париже И.С. Барятинский был чуть более десяти лет, до марта 1784 г.

²² АВПРИ. Ф. Сношения России с Францией. 1774. Оп. 93/6. Д. 291. Л. 3 об. - 4.

²³ Там же. Л. 11.

войну и чуму, указывает на узурпацию ею престола, - сообщал Дюран в шифровке от 4 января 1774 г. - Сенат, который никогда не вмешивается в дела подобного рода, вынужден был заслушать адресованное ему послание (Пугачева. - Я. Ч.). Это собрание делегировало к императрице двух членов, уполномоченных подтвердить ей свою верность и послушание, а также выразить негодование по поводу подобных посланий²⁴.

О серьезности ситуации свидетельствует и депеша Дюрана от 14 января, в которой он сообщает о полной блокаде мятежниками Оренбурга: "Екатерина II только что издала указ, извещающий публику о самозванце-разбойнике, дерзнувшем взять себе имя покойного Петра III. По милости Божией, говорится в этом указе, в России уже миновали те ужасные времена, когда братоубийственная война грозила погубить Отечество..."²⁵ Сам факт появления такого указа свидетельствовал о том, что пугачевщина далеко вышла за рамки отдельно взятого региона и приобрела общенациональные масштабы.

"...Мятежники контролируют в настоящий момент огромное пространство страны между Казанью и Tobольском, - писал Дюран 25 января, - и на этом пространстве они отбирают у крестьян все средства к существованию - скот и зерно, предназначенные для посева". Французский дипломат высказал предположение о возможном присоединении к мятежу войсковых частей, дислоцированных на Кубани. В этих условиях, по его мнению, любое правительство поспешило бы покончить с внешней войной и сосредоточиться исключительно на подавлении мятежа. "Кто бы мог поверить, - с удивлением отмечал Дюран, - что среди всех этих волнений прежнее живое стремление к миру, кажется, слабеет. В правительстве об этом уже больше не говорят, зато говорят о приготовлениях к продолжению войны"²⁶.

Екатерина II и ее министры прилагали максимум усилий к тому, чтобы сгладить неблагоприятное впечатление, производимое на иностранцев размахом пугачевского бунта. Императрица спешила закончить затянувшуюся войну с Портой, возлагая большие надежды на летнюю кампанию 1774 г., которая, по ее расчетам, должна была стать завершающей и позволила бы перебросить войска на подавление мятежа.

Тем временем французский посланник в России не переставал удивляться успехам повстанцев и талантам их главаря. "О Пугачеве начинают говорить как о необыкновенном человеке, и этот человек, кажется, и в самом деле имеет продуманную систему действий, - писал Дюран в шифрованной депеше от 9 февраля 1774 г. - Он платит каждому из своих солдат 5 рублей в месяц, в то время как солдатское жалованье в царской армии не достигает в некоторых провинциях и половины этой суммы. После разграбления нескольких рудников он

²⁴ ААЕ. Correspondance politique. Russie. 1774. Vol. 94. F. 4 recto verso.

²⁵ Ibid. Vol. 95. F. 28 recto verso.

²⁶ Ibid. F. 53 verso - 54 verso.

расположил к себе рабочих. Чтобы обеспечить дисциплину в своих войсках, он учредил полицию. Он вполне владеет искусством привлекать, что еще больше укрепляет дисциплину в его армии. Доступ к нему затруднен. Он заставляет падать перед ним ниц, согласно древнему обычаю двора. Тем, кто получает у него аудиенцию, он протягивает руку для поцелуя. Лучшее доказательство того, что русские все еще живут в условиях деспотизма, - резюмировал посланник, - это то безразличие, с которым они относятся к довольно опасному мятежу, который способен свергнуть правительство"²⁷.

С февраля до июля 1774 г. пугачевская тема была ведущей в регулярных сообщениях Дюрана своему двору. Едва ли не каждая его депеша из Петербурга начинается с подробнейшей информации о мятежниках, и только после этого следуют другие петербургские новости, в том числе и вести с турецкого фронта. Начиная с июля-августа, когда наметился перелом в борьбе с мятежом, информация Дюрана на эту тему, направляемая в Версаль, становится менее тревожной и более компактной.

Рассуждая о перспективах мирных переговоров между Россией и Турцией, Дюран отмечал в зашифрованной депеше от 25 февраля, что петербургский двор "очень обеспокоен указом так называемого Петра III, предоставившим свободу государственным крестьянам". 22 марта он сообщал: "Мятеж распространяется все шире и шире", отмечая участие в нем раскольников-старообрядцев, издавна преследуемых властями"⁹⁸.

29 марта Дюран информировал свой двор: "Расположение главных сил Пугачева только что появилось на моей карте. Он контролирует все течение реки Иргиз, между Волгой и Яиком, таким образом, если его атакуют со стороны Волги, он форсирует Яик, а если со стороны Яика - он переправится через Волгу, растворившись в пустыне, окружающей Астрахань и сообщаемой с Кабардой и Кубанью. В его распоряжении примерно тридцать укрепленных постов и фортов, из которых оставлены только семь, что не мешает дальнейшей блокаде Оренбурга. На контролируемой им территории и в расположении армии водка продается за его счет, что очень быстро возвращает ему часть выплачиваемого войскам жалованья. Войска хорошо содержатся, и если бы военными операциями так же успешно руководили, как финансами, то неизвестно, какой оборот приняли бы дела. Из корпуса, вышедшего из Москвы, до десяти тысяч человек перешли на его (Пугачева. - П.Ч.) сторону.

...В очередном обращении к народу он смягчил прежнюю манеру высказываться против дворянства. Там говорится, что, решив вернуть нации свободу, он вначале предоставил привилегии дворянству (речь идет об указе Петра III о дворянской вольности от 18 февраля 1762 г. - П.Ч.), но вскоре увидел, что народ стал еще более несчастным.

²⁷ Ibid. F. 97 verso - 98 verso.

²⁸ Ibid. F. 136 verso; F. 195 recto verso.

Сегодня он желал бы одновременно уравнять в правах различные сословия, изгнать узурпаторшу и короновать своего сына"²⁹.

С наступлением весны и ввиду предстоящей военной кампании 1774 г. против Турции пугачевская тема в сообщениях Дюрана приобретает в большей степени международный оттенок, что само по себе свидетельствовало об определенных надеждах французской дипломатии на возможность каких-либо согласованных действий мятежников, турок и их союзников-вассалов - крымских татар.

"Беспокойство этого двора относительно последствий мятежа удваивается день ото дня, - сообщал Дюран 2 апреля 1774 г. - Крымские татары пришли на помощь Пугачеву. По некоторым сведениям, отсюда (из Петербурга. - *П. Ч*) отправлены несколько курьеров в войска, дислоцированные у границ Грузии, с приказом воспрепятствовать их соединению (крымских татар с Пугачевым. - *П. Ч.*) в районе Кубани"³⁰.

"Русских в большей степени заботит этот мятеж, чем война против турок, - не без оснований писал Дюран 11 июня. - Говорят, что татары Кубани восстали в окрестностях Астрахани"³¹. Мятежники весьма дерзки. Они повсюду распространяют свои манифесты, даже в Петербурге. Власти не в состоянии этому воспрепятствовать"³².

По мнению Дюрана, восстание вынуждало Екатерину II искать способ быстрее окончания войны с Турцией. "Россия, кажется, намерена смягчить свои требования к туркам по двум пунктам: свободная торговля на Черном море и уступка пустыни, отделяющей ее (Россию) от Крыма", - информировал 30 мая 1774 г. своего министра месть Дюран"³³. Таким образом, Версалю представлялась очередная возможность оказать давление на Петербург, предложив посредничество в мирном урегулировании затянувшейся войны с Турцией. Дюран проявлял завидную энергию в продвижении этой идеи, но, увы, безрезультатно.

Даже угроза со стороны "маркиза Пугачева" не заставила Екатерину II согласиться на французское посредничество. Императрица не скрывала своей неприязни к Людовику, доживавшему последние дни. "Наши враги, французы, теперь мечутся, как угорелые кошки, однако в противность их желанию Бог благословит наше дело счастливым и скорым окончанием, - писала она графу А.Г. Орлову-Чесменскому"³⁴. Вера императрицы в близкую победу русского оружия была вознаграждена уже летом 1774 г., когда армия под командованием генерал-фельдмаршала П.А. Румянцева, форсировав Дунай, нанесла серию

²⁹ Ibid. F. 220 recto - 222 recto.

³⁰ Ibid. F. 227 recto.

³¹ Кубанскими татарами Дюран называл все тюрко-татарские народы, населявшие степи Нижнего Поволжья, Приазовья и Новороссии.

³² ААЕ. Correspondance politique. Russie. 1774. Vol. 95. F. 389 recto.

³³ Ibid. F. 343 verso.

³⁴ Сборник Императорского русского исторического общества: В 148 т. СПб., 1867-1916. Т. 1. С. 81. (Далее: Сборник РИО).

решающих поражений туркам. Сам великий визирь Оттоманской Порты Мухсин-заде Мехмед-паша был блокирован в своей ставке в Шумле и после недолгих переговоров принял предложенные ему условия мира. 10(21) июля в деревне Кючук-Кайнарджи, где размещалась ставка П.А. Румянцева, главы делегаций двух стран подписали условия мира, удовлетворявшие основные требования России: Крымское ханство и сопредельные татарские территории признавались "вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти"; присоединение к России Азова, Керчи, Еникале и Кинбурна с землями между Днепром и Бугом; открытие Черного моря и проливов для русского торгового мореплавания; фактическое установление русского протектората над Молдавией и Валахией; уплата Портой 7,5 млн пиастров (4 млн руб.) контрибуции России (по секретному приложению) и т.д.³⁵

Безусловно, российской стороне удалось бы добиться еще больших уступок от Турции, но на это не было времени: императрица спешила покончить с мятежом, охватившим к лету 1774 г. все Нижнее и Среднее Поволжье. Итак, крайняя озабоченность Екатерины II успехами "маркиза Пугачева" не помешала ей поставить Турцию на колени к явной досаде версальского двора, где в мае произошли значительные перемены: умершего 10 мая 1774 г. Людовика XV сменил на престоле его внук Людовик XVI, свободный от многих политических комплексов (в том числе и устойчивой русофобии) своего деда. Первое время в Версале были поглощены заботами, связанными с началом нового правления, в частности перестановками в правительстве.

Герцог д'Эгильон был отправлен в отставку, а новым министром иностранных дел (после краткого пребывания на этом посту генерального контролера финансов Бертена) 21 июля 1774 г. стал граф де Вержен.

Известие о заключении мира с Турцией буквально потрясло Дюрана, считавшего внутреннюю ситуацию в России критической, а положение Екатерины II, может быть, как никогда после 1762 г., непрочным. "Мир заключен, - писал Дюран в зашифрованной депеше от 16 августа, - и очень странно, что это произошло в тот самый момент, когда мятежники достигли максимального успеха, когда, казалось, вероятность переворота, подогреваемого всеобщим недовольством, налицо, когда Крым остался без достаточных сил, чтобы дать отпор турецким войскам и флоту, когда истощение казны вынудило правительство частично прекратить платежи. Поразительно, что в этих условиях Россия получает все, в чем ей было отказано в Фокшанах (на предыдущих мирных переговорах летом 1772 г. - П.Ч.). Столь счастливой развязке она обязана вовсе не своей ловкости или стараниям ее союзников, а инертности ее противников", - заключал с досадой Дюран³⁶.

³⁵ Текст договора см.: Договоры России с Востоком / Сост. Т. Юзефович. СПб., 1869. С. 24—41; см. также: *Дружинина Е И* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955.

³⁶ ААЕ. Correspondance politique. Russie. 1774. Vol. 96. F. 127 recto verso.

В Версале отчетливо сознавали, что успешное окончание войны с Портой значительно укрепляет не только внешнее, но и внутреннее положение России. "Легко представить то впечатление, которое произведет в России новость о столь выгодном и почетном мире, - писал Вержен Дюрану 27 августа 1774 г. - Теперь следует подумать о том, какие выводы сделает для себя Екатерина. Несомненно, свои первые усилия она употребит на укрощение мятежников, и это не будет для нее сложным делом, учитывая те средства, которые она может теперь использовать"³⁷.

После подписания мирного договора с Портой Екатерина II высвободила для борьбы с мятежниками около 20 пехотных и кавалерийских полков. Общее командование войсками было возложено на генерал-аншефа П.И. Панина, родного брата канцлера.

Во время бунта императрицу особенно беспокоила мысль о возможных зарубежных связях "маркиза Пугачева", точнее, об участии в мятеже иностранцев. Мысль эта долгое время не давала ей покоя. Когда Пугачев был схвачен, следователи настойчиво стали добиваться от него соответствующих признаний, но так и не нашли подтверждений опасениям императрицы. Между тем тревога Екатерины II основывалась на информации, поступавшей от ее дипломатов за рубежом, в частности из Парижа и Вены. Раздражали императрицу и циркулировавшие в европейских кругах слухи о "благородном" происхождении Емельки Пугачева и чуть ли не о близости его к петербургскому двору. Она давала категорические указания своим дипломатам решительно опровергать подобные вымыслы. Особенное пристрастие к распространению ложных слухов обнаруживала парижская "Газет де Франс", со времени ее основания кардиналом Ришелье бывшая по сути правительственным органом. Большинство ее публикаций политического характера прямо заказывались или инспирировались министерством иностранных дел. Так, в продолжение русско-турецкой войны 1768-1774 гг. "Газет де Франс" давала крайне тенденциозную, а то и откровенно искаженную информацию о положении на фронтах, что отвечало интересам французской дипломатии, поддерживавшей Турцию.

То, что "Газет де Франс" отражала официальную точку зрения, ни для кого не было секретом и давало основание русскому представителю при версальском дворе неоднократно заявлять протесты по поводу ее публикаций непосредственно министру иностранных дел Франции, который, собственно, и не отрицал своего влияния на этот печатный орган, распространявшийся по всей Европе.

В марте 1774 г. князю Бярятинскому пришлось объясняться с герцогом д'Эгильоном и по поводу публикации "Газет де Франс" о Пугачеве. Вот что писал об этом сам Бярятинский в зашифрованной депеше канцлеру Н.И. Панину 27 марта: "В Парижской Газете № 14 в

³⁷ Ibid. F. 162 recto verso.

артикуле (статья. - Я. Ч.) из Гамбурга об оренбургском бунтовщике напечатано было, будто бы он в молодых его летах был пажем при дворе Ее Императорского Величества и был послан в чужие края для учения, после чего служил в прусской армии и, наконец, был камер-юнкером при Его Императорском Высочестве (великом князе Павле Петровиче. - П. Ч.). Прошедшего вторника дюк д'Эгильон на обыкновенной конференции спрашивал меня, не имею ли я известия о настоящем состоянии сих мятежей, на что я отвечал ему, что не получал никаких о сем известии уведомлений. Приметил я ему, притом без всякой жалобы, что помянутые обстоятельства, в Газете напечатанные, несправедливы и что я, находясь несколько лет при высочайшем нашем Дворе, никогда и не слыхал об имени Пугачева, на что дюк д'Эгильон сказал мне, что ежели я получу верное известие о сем бунтовщике и ему сообщу, то он прикажет сие напечатать в опровержение означенного артикула. Вчерашнего дня сведал я, что король изволил указать сочинителю Газеты, дабы впредь ничего не вносил он в Газету, не имея точных и достаточных известий³⁸.

Подозрения Екатерины II относительно причастности ее внешних врагов к пугачевщине усилились после получения канцлером Паниным очередной депеши от князя Барятинского: "Я сведал здесь, - писал тот 7 апреля 1774 г., - что шведский при Оттоманской Порте посланник учинил тамошнему министерству внушение, что происходящие внутри России мятежи доставляют правительству великие заботы и затруднения, а стране причиняют знатные разорения и убытки. Для произведения в турках большего упорства уверяет он их, что и Москве такой же угрожает жребий и что неминуемо принуждены будут отделить часть войск от Первой армии для замирения сих мятежников. Французский в Константинополе посол внушает подобные же мнения Дивану (совещательный орган высших сановников при султанах. — П. Ч.), а особливо тамошнему духовенству, обнадеживая их, что при нынешних внутренних в России обстоятельствах должны они ожидать лучших успехов от будущей кампании, равно как в мирной неготиации, когда она откроется. В здешней публике говорят, что Порта делает великие военные приготовления и заводит новый артиллерийский корпус. 8 партикулярных письмах из Гамбурга пишут сюда, что Пугачев получил от Порты знатную сумму денег³⁹.

О наличии каких-то связей между Пугачевым, турками и французскими военными советниками в армии султана сообщал из Вены российский посланник князь Д.М. Голицын, которому удалось завербовать одного из сотрудников канцелярии французского посла при венском дворе, князя Луи де Рогана. Информатор передал ему копии нескольких секретных писем, которыми обменивался французский посол в Вене с коллегами в Константинополе и Санкт-Петербурге -

³⁸ АВПРИ. Ф. Сношения России с Францией. 1774. Оп. 93/6. Д. 291. Л. 52-52 об.

³⁹ Там же. Л. 80-80 об.

графом де Сен-При и Дюраном. Из этой переписки следовало, что французская дипломатия не исключала возможность сотрудничества с Пугачевым и взаимодействия последнего с турецкой армией. Более того, если верить этой переписке, то отдельные французские офицеры, служившие у султана, перешли (или были направлены (?)) в армию мятежников-пугачевцев.

31 марта 1774 г. князь Д.М. Голицын отправил канцлеру Н.И. Панину "экстракт" письма графа де Сен-При князю де Рогану следующего содержания: "Он (Сен-При. - П. Ч.) говорит, что французские офицеры шлют ему эстафету за эстафетой из (турецкой) армии, которая должна предпринять диверсию в России в пользу Петра III. Эти офицеры не верят в успех их предприятия; они сожалеют, что (в армии) нет ни правил, ни порядка, ни подчинения, ни продовольственных припасов, ни боекомплекта; что если их выступление не будет сопровождаться всеобщим восстанием (в России), то они оставят это предприятие. Он говорит, что надежды, возлагаемые на существующее в России недовольство, в действительности необоснованны, поскольку достаточно обычного манифеста или угрожающего указа царицы, чтобы напугать всех; что (русские) предпочтут рабство судьбе, которая отвечала бы их надеждам. Он (Сен-При. - П. Ч.) просит выделить ему вновь значительную сумму денег, которые он мог бы использовать в этих целях при всяком благоприятном случае..."⁴⁰.

Из этого письма можно сделать вывод, что Турция планировала военную операцию на территории России (по всей видимости, с Северного Кавказа или через Крым) с целью поддержать Пугачева и что в этой операции должны были участвовать французские офицеры.

Из другого письма, отправленного 30 марта 1774 г. из Вены князем де Роганом в Константинополь графу де Сен-При, также перехваченного русским агентом, следовало, что о поддержке Пугачева в той или иной мере подумывал и сам Христианнейший король Людовик XV. В письме, французскую копию которого князь Голицын немедленно переправил графу Н.И. Панину в Петербург, читаем: "Король направляет к вам подателя сего письма, который по собственной инициативе вызвался оказать помощь Пугачеву. Это офицер Наваррского полка, имеющий множество заслуг. Вы должны как можно скорее отправить его с необходимыми инструкциями для так называемой армии (Пугачева. - П. Ч.). Король вновь выделяет вам 50 тыс. фр. для непредвиденных расходов, помимо того, что вы еще должны получить из выделенных вам средств за прошлый месяц. Не жалейте ничего для того, чтобы нанести решающий удар, если к тому представится случай. Нет такой суммы, которую король не предоставил бы ради осуществления наших замыслов. Не думайте, что с заговорами покончено. Я имею достоверные сведения, что во всех провинциях царицы много недовольных, которые ждут лишь случая, чтобы восстать. Даже русские сол-

⁴⁰ АВПРИ. Ф. Сношения России с Австрией. 1774. Оп. 32/6. Д. 557. Л. 66-67.

паты говорят гадости о царице и короле Польши (Станиславе Понятовском. - П.Ч.). Можно представить себе настроения среди офицеров так называемой армии Пугачева. Вы увидите, что если она добьется хоть каких-нибудь успехов, то русские солдаты целыми соединениями станут под ее знамена и вы с триумфом возвратитесь в Париж, где получите достойное вознаграждение за вашу доблестную службу. Прощайте, будьте бдительны и активны и рассчитывайте на дружбу князя Луи де Рогана"⁴¹.

Судя по всему, французский посол в Константинополе был лучше осведомлен не только о внутреннем положении Турции, стоявшей на грани поражения, но и о ситуации в России, нежели его коллега в Вене. Во всяком случае, перехваченная русскими переписка графа де Сен-При говорит о его весьма пессимистичной оценке как шансов Порты продолжать войну против России, так и шансов Пугачева на успех. В письме от 20 марта 1774 г., адресованном князю де Рогану графом де Сен-При, также ставшем известным русскому посланнику Д.М. Голицыну, прямо говорилось, что Порта "совершенно решила заключить мир, лишь бы только Россия немного сговорчивее была". "Бедная армия Пугачева, - продолжал граф де Сен-При, - разбита и рассеяна в Сибири, и те из нее, кои были счастливые, спаслись убежищем в турецких границах: итак, можно по всему видеть, что сей проект в ничто обратился. Два французских офицера, которые сыскали способ возвратиться в Константинополь, в столь худом состоянии пришли сюда, что жалко смотреть на них: больные и почти совсем голые, заедены вшами и изнурены от бедности и от трудов дорожных. Я об них имею попечение и буду стараться отправить их отсюда через Вену, как скоро они немного повыздоровеют и в состоянии будут ехать"⁴².

Информация французского дипломата о разгроме армии Пугачева не была достоверной. По всей видимости, ему сообщили о каком-то местном поражении одного из многочисленных пугачевских отрядов. В феврале-марте 1774 г. повстанцы сумели взять Гурьев городок, Челябинск и Татищеву крепость, а в начале апреля Пугачев начал поход по Башкирии, Уралу и Прикамью.

В письме графа де Сен-При нам интереснее другое - упоминание о двух французских офицерах, которые якобы вернулись в Константинополь из расположения пугачевской армии. Имена их не названы, но сам факт представляет несомненный интерес как косвенное свидетельство участия отдельных французов в восстании Пугачева. Этот факт отчасти подтверждается получившей огласку историей с арестом и ссылкой в Сибирь француза на русской службе полковника Анжели, обвиненного в подстрекательстве в пользу Пугачева.

История эта получила огласку после публикации "Газет де Франс". В сообщении с русско-польской границы от 1 июля 1774 г. говорилось:

⁴¹ Там же. Л. 106-106 об.

⁴² Изложение этого письма содержится в шифрованной депеше Д.М. Голицына канцлеру Н.И. Панину от 7 мая 1774 г. // Там же. Л. 116-116 об., 117.

Людвик XV

"Полковник Анжели, француз на русской службе, был в оковах отправлен в Сибирь. Обнаружили, что он имел связи с мятежниками и тайно подстрекал многие русские полки к восстанию. Утверждают даже, что если бы его не обезвредили, то вся армия перешла бы под знамена мятежников"⁴³.

Некоторые сведения об этом деле можно найти в двух донесениях князя И.С. Барятинского графу Н.И. Панину от 11 августа 1774 г., где он сообщает о своей беседе с прибывшим из Вены французским послом князем Луи де Роганом: "Вчерашний день на ужине у гишпанского посла, — писал Барятинский в первой депеше, — принц Луи (де Роган), от здешнего при цесарском (венском) дворе посол, между прочими разговорами сказал мне, что он с сожалением известился о том, что находящийся в российской службе полковник Франсуа Анжели окован и

⁴³ Gazette de France. 1774. 25 juill. N 59. Выписка из газеты приложена к депеше кн. И.С. Барятинского из Компьена от 11 августа 1774 г. // АВПРИ. Ф. Сношения России с Францией. 1774. Оп. 93/6. Д. 292. Л. 80.

сослан в Сибирь за то, что он, быв сообщником Пугачева, будто бы находящимся в Смоленске французским офицерам⁴⁴ давал много денег, дабы и их к тому склонить, уверял меня при том, что такие на него, полковника Анжели, подозрения неосновательны, ибо-де имел он случай узнать его персонально в Вене, и могу в том ответить, что он всегда сохранял достолюбезное почтение к особе Ее Императорского Величества и усердие к наблюдению Ее интересов. Неоспоримо-де то, что давал он деньги помянутым офицерам, но делал он сие по той единственно причине, что они находились в крайней бедности и из сожаления к своим одноземцам. А поскольку господин Дюран замедлил доставить им нужную для их пропитания сумму, о коей они его просили, то и адресовались они ко мне с сей просьбой об их неоставлении через нарочного, присланного из Смоленска. Потому-то я и послал им от себя несколько тысяч червонцев, донеся о том Его Величеству, покойному королю (Людовику XV. - *П.Ч.*), который одобрить сие соизволил.

Действительно, не можно Анжели извинить за то, что он, будучи отпущен только в Баден, без дозволения ездил в Вену и Париж, однако представляется, что сей его поступок не заслуживает такого строгого наказания, тем паче что он сделал сие по той единственно причине, что, выехав из Франции из-за несчастного поединка, не мог он обратно приехать во Францию, не получив прежде прощения. А так как он всегда желал по окончании войны возвратиться в свое отечество, то и вздумал он воспользоваться сим случаем и приехал сюда под другим именем и в мундире армии Ее Императорского Величества, будучи уверен, что в сем состоянии, конечно, его арестовывать нигде не будут. По приезде в Париж хотел-де он изъясниться о своем деле с дюком д'Эгилионом, но не имел удобного к тому времени, ибо видел его один только раз, да и то уже при выходе его со двора, почти в передней. Посему, прожив только три дня в Париже, без всякого решения возвратился он в Баден, а оттуда отправился в армию, но, не доехав, на границе был арестован.

Я-де говорил графу Вержену (новому министру иностранных дел Франции. - *П.Ч.*), нельзя не употребить старание об его освобождении, но он отвечал, что если Россия почитает его участником в происшедших смятениях, то здешний двор за него вступаться не может. Так что теперь не остается другого средства к избавлению сего несчастного, как только просить Вас о ходатайстве в его пользу, обнадеживая при том, что он не только ручается за него словесно, но и

⁴⁴ Трудно сказать, о каких французских офицерах, находившихся в Смоленске, шла речь. Если они находились на русской службе, то должны были получать жалованье из русской же казны, но никак не от французского посланника в Петербурге, о чем говорит князь де Роган. Скорее всего, это были пленные французы, воевавшие против России на стороне польских конфедератов, судьбой которых занимался Дюран и даже сам Д'Аламбер, просивший Екатерину II отпустить их на родину (см.: *Черкасов П.П. Указ, соч. С. 346-347*).

Емельян Пугачев

письменное даст свидетельство о верности и усердии Анжели к службе Ее Величества.

Выслушав сей его разговор, - докладывал своему канцлеру князь Барятинский, - ответствовал я ему, что никакого о сем деле известия не имею кроме того, что прочитал во Французской Газете статью, из которой прилагаю при сем для усмотрения вашего сиятельства, но что, зная возвышенный образ мыслей и справедливость Ее Величества всемилостивейшей моей Государыни, могу его с моей стороны уверить, что, конечно же, с Анжели не поступили бы так без точных и достаточных доказательств его вины. Потом сказал я ему, что так как сие дело совсем меня не касается, то и не могу я принять от него никакой по сему записки, а если он находит сие необходимо нужным, то сообщил бы то князю Дмитрию Михайловичу Голицыну, как министру Ее Величества, пребывающему при одном с ним дворе.

Принц Луи ответил на это, что он теперь в Париже и не знает, когда возвратится к своему посту. По этой причине он желал бы, чтобы сие его свидетельство верно дошло к Ее Императорскому Величеству, изъявляя при том почитание свое к великодушию и человеколюбию Ее Величества. Я повторил ему мое извинение, что не могу

принять означенной его записки, с убеждением при том, что я столько же уважаю словесное его свидетельство, как бы и письменное"⁴⁵.

Во второй депеше, написанной вечером того же дня (11 августа), И.С. Барятинский уточняет предыдущую информацию, ссылаясь на свой конфиденциальный разговор с прусским посланником по поводу публикации "Газет де Франс".

Прусский дипломат сообщил русскому коллеге, что "он имеет известие от своего министерства, что подлинно полковник Анжели был в Вене у принца Louis и от него под другим именем отправлен был в Париж к дюку д'Эгильону, с которым несколько раз говорил в его кабинете как о состоянии войск Ее Величества, так и о разглашениях в России о Пугачеве, ему сообщил, и что имел он секретные от здешнего министерства инструкции"⁴⁶.

К сожалению, ни в АВПРИ, ни в Архиве МИД Франции пока не удалось обнаружить какие-либо дополнительные свидетельства о полковнике Анжели и других французских офицерах, якобы замешанных в пугачевском бунте. Полковник Анжели в равной степени может быть отнесен к числу тайных агентов французской дипломатии, пытавшихся установить неофициальные контакты с Пугачевым, и к числу жертв чрезмерной подозрительности российских властей. Впрочем, позиция французской дипломатии перед и во время русско-турецкой войны, интриги в связи со смутой в России давали немало поводов для такой подозрительности. Что касается Анжели, то он был Екатериной II прощен и смог вернуться во Францию в конце 1774 - начале 1775 г.

Восстанием Пугачева пытались воспользоваться и отдельные авантюристы во Франции. Один из примеров такого рода содержит донесение князя И.С. Барятинского канцлеру Панину из Парижа от 25 сентября 1774 г.. "Находящийся при мне священник сообщил мне следующее с ним приключение. На сих днях прогуливался он в саду, когда подошел к нему незнакомый француз и начал с ним индифферентный разговор, а узнав, что он говорит с русским, стал разговаривать о Пугачеве, объявляя о себе, что он сам долгое время жил в России между колонистами и был старостой в Каминской слободе, а недавно сюда приехал; что Пугачева не токмо видал, но знал его персонально в Саратове, сказывая при том об нем, якобы он уроженец очаковский и был в российской службе поручиком в прусскую войну; что когда он его видал, то носил уже он казацкое платье. Сей француз называется Ламер. В продолжение о сем разговора признался он, что ему подлинно известно, что Пугачев имел сие злоумышление прежде еще войны с турками и делал к тому проекты вместе с ссыльными польскими конфедератами и что он хотел к сему умыслу склонить и колонистов, но не мог в том преуспеть.

В 1772 г. сделался с ним сообщником в сем злоумышлении и один колонист из французов по имени Кара, которого и отправил он с

⁴⁵ АВПРИ Ф. Сношения России с Францией 1774. Оп. 93/6. Д. 292. Л. 77-79 об.

⁴⁶ Там же. Л. 81.

Мемориалом к дюку д'Эгильону, но что помянутый Кара в том году в Париже не был, а оставался в Голландии для исправления других его, Пугачева, комиссий (поручений. - П.Ч.), а означенный Мемориал послал он к дюку д'Эгильону другим каналом. Потом из Голландии поехал он к польским конфедератам, а в нынешнем году приезжал сюда, однако якобы дюк д'Эгильон ни на что в их пользу не согласился, почему и отправился он в Италию в том намерении, чтобы ехать в Константинополь.

Поп спросил его: откуда получает Кара деньги для вояжирования? На что Ламер ему ответствовал, что он имеет деньги по кредитиву Пугачева от польских конфедератов. Наконец открылся он ему, что помянутый Кара по тесной между ними дружбе сообщил ему копию означенного Мемориала от Пугачева. Священник просил его, не может ли он сообщить ему сию копию для единственного любопытства, однако он в том отказался, а обещал только ему прочесть. На другой день приходил он к попу и читал тот Мемориал, которого содержание, сколько мог он упомнить, было следующее: вначале пишет он, что все в России колонисты весьма недовольны, что очень легко их возмутить, особливо когда Россия с Портой в войне, и что по его плану можно будет составить в тех местах армию до шестидесяти тысяч человек: при том предлагает, что как в тех местах сомневаются еще в кончине Петра Третьего, то и можно к возмущению употребить сей предлог. В заключение просит Францию, дабы она употребила свое старание, чтоб турки прислали к нему через Грузию несколько войска для его подкрепления, а в случае его неудачи дали бы ему у себя убежище.

Я, выслушав от священника сие его мне сообщенное, просил, чтобы он постарался свести с помянутым Ламером большее знакомство и достать у него, если можно будет, копию с сего Мемориала", - завершал свое зашифрованное донесение, казавшееся ему крайне важным, князь Иван Сергеевич Барятинский⁴⁷.

Но самое удивительное - это реакция Екатерины II на эту информацию. На полях последнего листа донесения рукой императрицы было начертано: *"Все сие суть враки сущего авантюрье, а Мемориалом у кого ни на есть деньги выманить вздумали"*⁴⁸. Подобная резолюция исключала любые шаги Барятинского по выяснению обстоятельств, связанных с пресловутым "Мемориалом Пугачева".

Трудно со всей определенностью сказать, чем было вызвано столь откровенное недоверие Екатерины II к полученной из Парижа информации. Конечно, сама по себе она могла бы показаться сомнительной, но в сопоставлении с имеющимися в распоряжении императрицы другими фактами "Мемориал Пугачева", быть может, и не выглядел очевидной фальшивкой. В конце концов даже сведения, сообщенные священнику российского посольства в Париже его информатором Ламером, не были лишены некоторой достоверности. Это относилось и к

⁴⁷ Там же. Д. 293. Л. 14-16 об.

⁴⁸ Там же. Л. 16 об.

личности Пугачева, и к возможности встречи с ним Ламера в Саратове, захваченном мятежниками в начале августа 1774 г., когда француз находился в этом волжском городе, и к настроениям среди иностранных колонистов в Поволжье.

В связи с последним обстоятельством можно сослаться хотя бы на информацию Дюрана, сообщавшего из Петербурга, что еще в 1770 г. был раскрыт заговор в пользу великого князя Павла Петровича, которому симпатизировали и немецкие колонисты. В зашифрованной депеше своему двору Дюран писал 31 декабря 1773 г., что "Пугачев легко может рассчитывать на саратовских колонистов, среди которых множество недовольных русскими (порядками) дезертиров из прусской и австрийской армий, которые отличаются храбростью и приверженностью военной дисциплине"⁴⁹,

Странное, казалось бы, пренебрежение Екатерины II к информации, поступившей от Барятинского, по всей видимости, можно объяснить одним: ко времени ее получения в Петербурге уже знали, что главные силы мятежников разбиты, а сам Пугачев вот-вот будет схвачен. Стоило ли теперь тратить деньги на приобретение "Мемориала", который к тому же мог оказаться заурядной фальшивкой?

Тем временем французский посланник продолжал внимательно следить за развитием событий в России, регулярно информируя об этом министра иностранных дел графа де Вержена. По его убеждению, после заключения мира с Турцией Екатерина II получила больше шансов на успех в борьбе с Пугачевым, который все еще представлял для нее серьезную угрозу. "Во всех областях империи, по которым прошелся этот разбойник, крестьяне отказываются обрабатывать землю, - писал Дюран в депеше от 2 сентября 1774 г. - ...Следует опасаться, что вскоре крестьянское восстание против дворянства приобретет еще более широкий размах, вследствие чего империя лишится значительной части урожая, а население ее еще более сократится"⁵⁰.

После Кючук-Кайнарджийского мира, укрепившего международные позиции России, молодой король Людовик XVI и новый руководитель французской дипломатии граф де Вержен заняли более четкую позицию в отношении пугачевщины. Характерно, что их предшественники вообще уклонялись от каких-либо оценок смуты в России, что делало позицию Франции по меньшей мере двумысленной.

6 сентября 1774 г. Дюрану была направлена инструкция, в которой Людовик XVI поручал ему передать Екатерине II, что он "искренне разделяет радость, которую императрица испытала по поводу заключения мира". В этом же документе говорилось и о Пугачеве: "Успехи Пугачева, несмотря на оказываемое ему сопротивление, безусловно, могли бы вызывать тревогу, если только заключение мира (с Турцией. — П. Ч.) не позволит правительству выставить против него достаточное количество войск для освобождения захваченных им террито-

⁴⁹ ААЕ. Correspondance politique. Russie. 1773. Vol. 93. F. 377 verso - 378 recto etc.

⁵⁰ Ibid. Vol. 96. F. 176 recto verso.

рий... Мы искренне желаем, чтобы Екатерина II смогла восстановить внутреннее спокойствие в своей империи"⁵¹.

Конец августа - начало сентября 1774 г. принесли императрице долгожданные известия о решающей победе над бунтовщиками. После неудачи под Царицыном, который ему не удалось взять штурмом, Пугачев, оставленный большинством донских казаков и калмыков, отступил к Черному Яру, преследуемый корпусом полковника И.И. Михельсона. Здесь 24—25 августа у Солениковой ватаги Пугачев был наголову разбит, бежал, а 8 сентября был схвачен сообщниками в заволжской степи, у реки Большой Узень, и передан властям в Яицком городке.

Сведения о поражении пугачевцев под Царицыном и у Солениковой ватаги дошли до Дюрана примерно через месяц, о чем он не преминул немедленно сообщить в Версаль. В депеше от 29 сентября он писал о четырех подряд поражениях Пугачева на Волге и о потере им более 10 тысяч человек. Сам Пугачев, сообщал он далее, "в сопровождении 50 человек бежал к донским казакам, с тем чтобы однажды вновь появиться еще более сильным, чем до своего поражения"⁵². Поистине месье Дюран уверовал в то, что Пугачев неуловим и непобедим.

Новость об аресте Пугачева Дюран узнал только 6 октября. "Прошлой ночью, - писал он в депеше от 7-8 октября 1774 г., - прибыли два офицера, посланные генералом Паниным с известием, что мятежник был схвачен в степи... Он бросался в ноги своим сообщникам, умоляя освободить его. Некоторые люди рассказывают, что это господа Орловы дали огромные суммы казакам, проживающим на соседних с ними землях, чтобы организовать поимку этого злодея"⁵³.

Спустя десять дней Дюран сообщил своему министру новые сведения о "деле Пугачева": "Казаки в самом деле арестовали Пугачева, а генерал Суворов сопровождает его в Казань, где находится генерал Панин. Учреждена Комиссия по расследованию обстоятельств мятежа, выявлению его участников, сторонников и тех, кто помогал ему деньгами-дукатами - монетой, доселе в провинциях, разоренных этим злодеем, - невиданной". "Захват Пугачева, - писал Дюран в другой депеше, помеченной тем же числом (18 октября), - это не простая измена некоторых его сообщников, а результат переговоров с яицкими казаками. (Правительству) пришлось подтвердить их привилегии и согласиться возместить понесенный ими ущерб"⁵⁴.

И.С. Барятинский был извещен о поимке "главаря разбойников с большой дороги" двумя специальными письмами вице-канцлера князя А.М. Голицына, направленными ему в Париж во второй половине сентября 1774 г. Пугачев, сообщал вице-канцлер Барятинскому, "будет

⁵¹ Ibid. F. 180 verso- 181 recto.

⁵² Ibid. F 237 recto - 238 verso.

⁵³ Ibid. F. 267 verso - 268 recto.

⁵⁴ Ibid. F. 282 recto verso; F. 294 recto verso.

Екатерина II

доставлен в Москву для вынесения ему там наказания за его преступления и злодеяния, которые способны заставить человечество содрогнуться"⁵⁵.

Официальный Версаль поспешил принести Петербургу свои поздравления в связи с поимкой Пугачева. В инструкции Дюрану от 5 октября 1774 г. по этому поводу говорилось: "Мы совершенно искренне разделяем ту радость, которую вся Европа должна ощущать от захвата Пугачева. Все правительства заинтересованы в подавлении мятежа, принципы которого противоречат основам всякой власти и способны потрясти любое государственное устройство. Человечество получило, между прочим, урок кошмарных эксцессов, которым предавались этот мятежник и те, кого он оболстил. Остается верить, что он очень скоро подвергнется заслуженному наказанию и что его сторонники, лишившись влияния этого злодея, сами вернутся к исполнению своего долга"⁵⁶.

3 ноября 1774 г. в реляции Екатерине II И.С. Барятинский сооб-

⁵⁵ АВПРИ. Ф. Сношения России с Францией. 1774. Оп. 93/6. Д. 297. Л, 18-18 об.

⁵⁶ ААЕ. Correspondance politique. Russie. 1774. Vol. 96. F. 338 recto.

шил, что Людовик XVI лично говорил с ним об аресте главаря мятежников, что должно было подчеркнуть внимание Христианнейшего короля к заботам его русской "кузины". "Третьего дня, - писал императрице ее представитель при версальском дворе, - был я со всеми чужеземными министрами у короля на поклоне. Его Величество, подойдя ко мне, изволил сказать, что злодей Пугачев пойман, и спрашивал меня при том, имею ли я о сем известие. На что донес я Его Величеству, что того же утра получил я о том письмо от Вашего Императорского Величества и господина вице-канцлера"⁵⁷.

Французский же посланник продолжал следить за "делом Пугачева" и после его поимки. В конце ноября 1774 г. он сообщил удивительные сведения, почерпнутые, по всей видимости, в одном из петербургских салонов, об экстравагантном предложении, переданном якобы Пугачевым императрице через его следователей. Вот что писал об этом Дюран в зашифрованном донесении в Версаль 25 ноября 1774 г.: "Пугачев был доставлен в Москву. Он желал бы избежать смертной казни, обещая доставить Короне столько же хорошего, сколько он причинил плохого своей Родине... Он заявил, что готов завоевать Китай. Хотя у Екатерины II и есть определенные намерения в отношении этой империи, о чем я уже сообщал и что, по-видимому, было известно злодею, он не достигнет желаемого - не получит ее доверия и не спасет свою жизнь. Слишком очевидной представляется необходимость показательного примера. Пролитая кровь стольких несчастных и разорение множества людей вызывают к мщению и помешают ему быть услышанным. Он уже трижды подвергался пытке батогами"⁵⁸.

Между прочим, следствие и до и после поимки Пугачева старательно выискивало следы "чужеземного" влияния на мятеж. В докладе одной из следственных комиссий, работавшей в Оренбурге, было записано, что "Пугачев не имеет, кажется, постороннего, а паче чужеземного руководства и споспешествования..."⁵⁹ Поступавшая от следователей информация, безусловно, смягчила прежнюю подозрительность Екатерины II в отношении иностранного "следа" в пугачевщине.

О казни Пугачева 10 января 1775 г. в Москве Дюран сообщал в Версаль в нескольких депешах, отмечая при этом, что с арестом главаря мятеж не прекратился, хотя и резко пошел на спад. После казни Дюран, сопровождая императорский двор, отправился в Москву, где пробыл более полугода, подробно описывая в донесениях пребывание Екатерины II в древней столице. Здесь, в самом сердце России, он получает более полную информацию о положении в стране, нежели в Петербурге. "Судьба провинций, разоренных Пугачевым, продолжает оставаться ужасной, - писал он 23 марта 1775 г. из Москвы. - Генерал Панин хотел бы помочь им, выделив два миллиона рублей, которые

⁵⁷ АВПРИ. Ф. Сношения России с Францией. 1774. Оп. 93/6. Д. 289. Л. 9-9 об.

⁵⁸ ААЕ. Correspondance politique. Russie. 1774. Vol. 96. F. 396 recto verso.

⁵⁹ Цит. по: Буганов В. Пугачев. С. 366.

находятся в хранилищах Екатеринбурга. Эти деньги можно было бы предоставить самым бедным беспроцентно на срок от 10 до 12 лет. Если в самое ближайшее время им не помочь, эти провинции никогда не оправятся от нищеты, в которую они впали"⁶⁰.

Сообщает Дюран и о непрекращающихся волнениях в разных уголках России: "Мятеж продолжается в районе Оренбурга, - пишет он 1 мая из Москвы. - В одно и то же время появились три главаря мятежников. Двор направляет против них стоящий здесь Воронежский полк". "Мятежный дух время от времени дает вспышки, - сообщает Дюран 24 июня из Москвы. - Недавно войска вынуждены были открыть огонь по толпе крестьян в 300 верстах отсюда, убив при этом 26 человек"⁶¹.

Здесь же, в Москве, Дюран получил известие о своем отзыве во Францию. На смену ему 12 августа 1775 г. в Москву прибыл новый посланник маркиз де Жюинье с поручением Людовика XVI добиться улучшения отношений с Россией, основательно испорченных за время правления Людовика XV. "Король поручает маркизу де Жюинье уничтожить личные предубеждения против нас императрицы, приведшие к охлаждению между двумя дворами", - говорилось в инструкции посланнику Франции⁶².

Хотя к лету 1775 г. с пугачевщиной было покончено, маркизу де Жюинье все же довелось быть свидетелем ее последних всполохов. "Ежедневно,- сообщал он 16 октября 1775г. своему министру из Москвы, - арестовывают большое число разбойников, среди них много тех, кто был с Пугачевым..."⁶³

Упоминания о мятеже встречаются в донесениях маркиза де Жюинье даже в 1777 г., спустя два года после его подавления. "Некоторое время тому назад, - докладывал он графу де Вержену 24 февраля 1777 г., - в районе Оренбурга арестовали нового мошенника, называющего себя Пугачевым. Он собрал вокруг себя 200 человек, с которыми чинил всевозможные обиды. Он был препровожден в Москву, где, без сомнения, над ним состоится суд"⁶⁴.

Итак, прямых и убедительных доказательств французского "следа" в восстании Пугачева обнаружить не удалось, хотя отдельные факты и могут навести на мысль о попытках установления контактов между теми или иными подданными Христианнейшего короля Франции, с одной стороны, и Лжепетром III - с другой. В то же время документы свидетельствуют о заинтересованности версальского двора (со дня воцарения Екатерины II в 1762 г. и до смерти Людовика XV в мае 1774 г.) в падении императрицы или, по крайней мере, в максимальном ослаблении ее влияния на европейские дела. Ставка при этом делалась как на разжигание традиционной вражды к России ее ближайших

⁶⁰ ААЕ. Correspondance politique. Russie. 1775. Vol. 97. F. 393 recto verso.

⁶¹ Ibid. Vol. 98. F. 96 recto; F. 340 recto.

⁶² Recueil des instructions... Т. 9. Russie (1748-1789). P. 317.

⁶³ ААЕ. Correspondance politique. Russie. 1775. Vol. 98. F. 508 recto.

⁶⁴ Ibid. 1777. Vol. 100. F. 78 verso.

соседей - Швеции, Польши и Османской Порты, так и на внутренние беспорядки. В этом смысле пугачевский бунт представлял для французской дипломатии несомненный интерес.

По понятным причинам Версаль не мог открыто поддержать Пугачева, признав его Петром III (подобная акция скомпрометировала бы Людовика XV), но секретная дипломатия, нередко противоречившая официальной, была нередко подчинена весьма неблагоприятным целям⁶⁵.

Двусмысленность позиции Франции в отношении восстания Пугачева сохранилась до самой смерти Людовика XV. Лишь с воцарением Людовика XVI и приходом к руководству французской дипломатией графа де Вержена (в июле 1774 г.) с этой двусмысленностью было покончено: версальский двор осудил пугачевщину и поддержал Екатерину II, одновременно выразив желание улучшить отношения с Россией.

Что же касается сообщений французского посланника в России о восстании Пугачева, то они, безусловно, представляют интерес для историков как свидетельство современника тех событий.

⁶⁵ Речь идет о так называемом Секрете короля (см.: *Broglié A. Duc de. Op. cit., Perrault G. Op. cit.; Черкасов П. П. Указ. соч. С. 79-92).*